

ЭМОЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

А.П. Седых, Ж. Багана, Л.П. Костоглодова

Кафедра французского языка факультета романо-германской филологии
Белгородский государственный университет
ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные со спецификой вербализации эмоционального потенциала языкового знака в русской и французской языковых культурах.

Экспрессивные способы номинации предоставляют богатый материал для исследования механизмов функционирования национальной языковой личности. Эмоциональные речевые акты можно рассматривать как своеобразное вместилище функционирования, репрезентации и фиксирования отношений коммуникантов друг к другу и к миру. В коммуникативных ситуациях, отличающихся высокой степенью эмоциональности, часто используются языковые единицы со специфической семантической структурой.

Типизированное эмоциональное отношение к миру опосредуется языком и проявляется в употреблении определенного лексико-семантического материала, например, коммуникативов, содержание которых состоит в выражении быстрой спонтанной реакции на какое-либо явление, ситуацию, высказывание: *Oh! Ah! Tiens, tiens! Dis donc! Tu parles* и пр. (О! Ах! Мм; Угу; Вот те на! Надо же! Еще бы!).

Данные единицы по природе своей являются аффективно отмеченными. Они выступают формальными маркерами эмоциональной коммуникативной ситуации. Их наличие в высказывании прямо указывает на высокий эмоциональный настрой последнего. Наибольший интерес представляет изучение механизмов приобретения неэмотивным словом «эмотивной валентности» [2]. В рамках данного явления могут проявляться сущностные характеристики национальных языковых и коммуникативных структур.

Эмотивный потенциал языкового знака может принадлежать последнему изначально или быть привнесенным. Речевая ситуация накладывает эмоциональный отпечаток на употребление языковых единиц, и этот факт способствует образованию семантического зазора в структуре употребляемого знака. Денотативный смысл, таким образом, обрастает дополнительными смыслами, которые часто национально-культурно обусловлены и функционируют на уровне этнострата [1. С. 30]. Именно благодаря наличию этнокультурных следов в семантике эмотивных речений представляется возможным выделить на уровне речевого функционирования их национально-специфичные параметры.

Относительная абстрактность французского способа вербализации ярко проявляется в обслуживании типично национальных привычек и пристрастий, которые, как правило, сопровождаются высоким эмоциональным состоянием

говорящего. Важную роль здесь играют интенции говорящего и эмотивный настрой коммуникативного акта, а также исторически сложившаяся в конкретном этносе социокультурная языковая и мифологическая картина мира.

Для выявления национальных особенностей коммуникативного поведения сопоставим некоторые способы вербализации эмотивной валентности во французском и русском узусе на примере традиционно аффективных элементов человеческого существования: употребление алкогольных напитков и аксиология умственных способностей человека.

Как известно, у обоих народов есть склонность, парадоксально их объединяющая, — любовь к потреблению спиртного. Об этой страсти говорят емкие по форме и сути следующие высказывания: «Как известно, на Руси люди выпивают только в двух случаях: когда дождь идет и когда дождь не идет» [Владимир Маслаченко — спортивный комментатор]; «Французская цивилизация измеряется вином и сыром» [Поль Валери — французский поэт]. В данной области, несмотря на относительную схожесть поведенческих стратегий, существуют национально-культурные различия в способах номинации и выборе соответствующих референтов.

Проанализируем некоторые закономерности употребления языковых средств, в которых проявляются рассматриваемые тенденции языкового поведения в данной сфере коммуникативной практики. В русском и французском языках существует система эмоционально окрашенных обозначений уменьшающегося количества потребляемого спиртного:

<i>On peut s'envoyer un verre (s'en jeter un)</i>	— Можно пропустить по стаканчику
<i>Prends des forces en buvant une gorgée de vin</i>	— Подкрепись глотком вина
<i>Une goutte de vin</i>	— Только капельку (капочку)
<i>Un dé a coudre</i>	— Наперсточек
<i>Juste un soupçon</i>	— Самую малость
<i>Une idée</i>	— Чисто символически

Отметим наличие уменьшительных суффиксов в русских эквивалентах, которые выступают в роли грамматических конкретизаторов (стаканчик, наперсточек, капелька, капочка). Во французских высказываниях нет подобных морфологических маркеров. При этом абстрактным французским словам-образам *soupçon* (букв. 'подозрение; видимость'), *idée* (букв. 'идея, мысль, представление') соответствуют предметно-конкретные экспрессивные слова «малость», «символически».

Сопоставим качественные градации номинаций, обозначающих, в частности, различную степень опьянения (по возрастающей):

<i>éméché</i>	под хмельком
<i>pompette, gris</i>	навеселе, подшофе
<i>allumé (en avoir dans le citron)</i>	выпивши, в подпитии
<i>légitement ému</i>	под мухой
<i>blindoche</i>	на взводе
<i>lancé</i>	под парами
<i>(joliment) paf</i>	в кураже
<i>parti</i>	подгулявший

<i>rond</i>	косой
<i>saoul (comme une grive, comme un vne, comme une bourrique), bourré comme un coing (une andouillette, une vache), plein comme une barrique (un œuf), chargé a cul (comme un navire de guerre)</i>	вдрызг (в стельку) пьяный; еле можаху; заряженный до предела (до отвала)
<i>mûr, fait, a point</i>	готовый; дошедший до кондиции
<i>avoir les dents mêlées, les dents du fond qui baigne</i>	лыка не вязать (не вяжет, папа—мама сказать не может)
<i>prendre son lit en marche, avoir (mettre) ses chaussures (pompes) à bascules, avoir du vent dans les voiles, rond comme une queue de pelle</i>	писать (выделять) ногами вензеля (вавилоны, кренделя)
<i>voir double (rentrer à deux)</i>	в глазах двоится (троится, четверится)
<i>qui a la barbe, le nez sale</i>	на рогах, на бровях
<i>ivre mort, asphyxié (comme un petit Lu, comme un Polonais, comme une vache), avoir un fond de cuve</i>	пьяный мертвецки (как зюзя, как сапожник, как свинья)
<i>raide bourré (à triple zéro, déchiré, fracassé, lynché, archisaoul, la tête dans le cul)</i>	пьяный в стельку (в доску, в дым, вдрызг, в тачку, в драбадан, в грязь)
<i>voir les éléphants roses</i>	допиться до чертиков

Даже поверхностный сопоставительный анализ показывает более ярко выраженную предметность русских выражений и относительную абстрактность французских. В основу русских наименований положен, как правило, признак конкретного физического состояния, в основу французских — косвенный, часто метафорический признак: под мухой — *légèrement ému* (букв. 'слегка удивленный'), косой — *rond* (букв. 'круглый'), навеселе — *gris* (букв. 'серый'), еле можаху — *bourré comme un coing* (букв. 'налитой как айва'), лыка не вязать (не вяжет, папа—мама сказать не может) — *les dents du fond qui baigne* (букв. 'задние зубы плавают'), писать (выделять) ногами вензеля (вавилоны, кренделя) — *avoir du vent dans les voiles* (букв. 'иметь ветер в парусах'), *rond comme une queue de pelle* (букв. 'круглый как черенок лопаты').

Следует выделить наименование *archisaoul* (букв. 'архи-сверхпьяный'), оценочно-эмоциональный характер которого формируется за счет нарушения нормативного функционирования префикса. «Ученая» приставка делает слово более абстрактным с точки зрения ассоциативно-образного поля, нежели конкретные и предметные, осязаемые почти материально русские эквиваленты: в доску, в дым, вдрызг, в тачку, в драбадан, в грязь.

Характерно, что в предельном состоянии опьянения русские видят чертей, а также зеленого змия, тараканов, мышей, а французы — розовых слонов. Рассмотрим лексико-семантическое и коннотативное поля данного языкового материала.

Для русского языкового сознания розовый цвет связан с нежным возрастом или наивностью и вызывает положительные эмоции, часто иронию (розовый возраст, смотреть сквозь розовые очки, розовые мечты). Для французов розовый цвет также положителен, свеж и идеален (*voir tout en rose* — видеть все в розовом свете, *elle a un teint de lis et de rose* — она кровь с молоком), но вербализуются французские кошмары в виде симпатичных «розовых слонов».

Следует отметить, что само слово «слон» для французов менее позитивно, нежели для русских. Об этом говорят следующие выражения: *Un éléphant* (слон,

говоря о человеке) — очень толстый, с тяжелой походкой, человек: *Un éléphant dans un magasin de porcelaine* (букв. 'слон в магазине фарфора') — «слон в посудной лавке», о неловком человеке, вмешавшемся в тонкое, деликатное дело. Эти высказывания входят и в русский словарь, но они менее репрезентативны и частотны с точки зрения употребления. Русский скорее скажет: «Неуклюжий как медведь» или «Медведь на ухо наступил».

Во французском языке есть выражение: *Avoir une mémoire d'éléphant* (букв. 'иметь слоновью память') — иметь исключительно хорошую память, особенно по поводу причиненного зла (вреда); быть злопамятным (слоны считаются мстительными животными). Для русских же это выражение экзотично, слон, скорее, слывет толстокожим, нечувствительным («как слону дробина»).

Несуществующие злопамятные розовые млекопитающие менее конкретны, нежели змеи, тараканы или мыши, но для французских алкоголиков первые не менее зловещи, чем последние для русских. При этом словосочетание «розовый слон» у русских, особенно детей, вызывает сугубо положительные, нежные ассоциации. В России существует даже магазин для детей, который носит такое название. Вряд ли французские коммерсанты назовут магазин детских принадлежностей «*Éléphant rose*», слишком отрицательным будет коннотативный фон названия для клиентов-соотечественников. Речь здесь идет о разном способе репрезентации одних и тех же явлений в языковой картине мира двух социумов и о национально-культурном своеобразии восприятия языковых и цветовых явлений. Кстати, французская фирма «Gervais» и ее российский филиал «Растишка», выпускающие творожок для детей, используют разный цвет для окраски изображенных на рекламных магнитиках животных: российский слон розовый, французский — серо-синий.

В этом плане интересно отметить употребление зоонимов в идентичных коммуникативных контекстах. Русский напивается «как свинья», а француз — «как корова». Ясно, что эти определения тесным образом связаны с предметами материального (в частности, животного) мира, с их значимостью и отношением к ним представителей каждого этноса. Корова для русского — это всегда «кормилица», «коровушка», «буренка», а свинья — «грязь», «неопрятность», «неряха», «непорядочность, подлость (подложить свинью)», «невежество (метать бисер перед свиньями, как свинья в апельсинах разбираться)» и пр. Правда, слово «корова» может быть синонимом слова «толстуха», но пьют все же «как свиньи».

Наименование «корова» для француза является носителем иных ассоциаций. Во-первых, это ругательное слово: *peau de vache* — мразь, подонок, гад, шлюха, потаскуха; *la vache!* — черт возьми! Во-вторых, оно выражает идею трудности, жесткости (жестокости), коварства: *le singe est vache avec nous, un problème vache, un vache de coup, amour vache*. В третьих, основа слова является семантическим интенсификатором: *c'était vachement bath* (это было потрясающе здорово), *elle est vachement bien* (она чертовски хороша), *on a vachement rigolé* (мы здорово повеселились).

Интересно отметить, что наименования «корова» и «свинья» контекстуально взаимозаменяемы при переводе: *il a agi vachement avec elle* (букв. 'он поступил

с ней по-коровьи') — он обошелся с ней по-свински; *il m'a fait une vacherie* (букв. 'он сделал мне коровство, подложил корову') — он подложил мне свинью. Такое употребление рассмотренных зоонимов функционально обусловлено с точки зрения характеристик семантического поля и коннотативных смыслов для каждого из языков.

Часто можно услышать о том, что русские пьют, чтобы напиться (забыться, отвлечься от наболевших проблем), а французы — дабы получить удовольствие или насладиться букетом напитка. Понятно, что и те, и другие всегда могут найти повод для того, чтобы «отключиться», но для русских все же более свойственна первая тенденция, что подтверждает конкретика соответствующего языкового материала.

Нельзя не отметить и наличие полностью адекватных выражений, что подчеркивает устойчивость традиции в потреблении горячительных напитков у представителей двух наций и ее отражении в языковом материале: пьяный мертвецки — *ivre mort*, в глазах двоится — *voir double*, готовый — *mûr, fait, à point*.

Следующий пласт лексико-семантического материала касается сферы эмоционального отношения к глупости. Проблема дураков существовала в России всегда, да и во Франции их особенно не жалуют. Рассмотрим языковой материал, выражающий степень интеллектуального развития (в сторону уменьшения):

imbécile, sot	глупец
con, connard	дурак
panouille	болван
manche	тупица
ballot	бестолочь
idiot	идиот
crétin	кретин
nave	дурень
andouille	дурачина
cave, pomme, tête de neu	балда
enclume	оболтус
taré, cruche	остолоп
lourd, il a encore ses valises à la gare pose tes valises, t'es trop chargé), tu ralentis!	тормоз
cornichon, corniaud	простофиля, разиня
plouc, réquenot	пентюх
lourdeur	дубина
blaireau, abruti	чурбан
tromblon	медный (толоконный) лоб
gros buffle	набитый дурак
a la franche marguerite	олух царя небесного
bête comme ses pieds	дубина стоеросовая
tête d' éclaté, fomblard, loser, bas de plafond, lent de comprenette	голова (башка) садовая (еловая, дубовая, мякинная)

Несомненно, очень непросто подобрать точные эквиваленты как для русских, так и для французских выражений. Мы опираемся на ассоциативно-интуитивный принцип отбора, что не исключает относительную приблизительность перевода. Например, практически невозможно перевести выражения «олух царя

небесного» и «дубина стоеросовая», да и многие другие. Очевидно, что подобные обороты эмоционально очень насыщены, стилистически интенсивны и носят глубоко национальный характер.

В русских наименованиях преобладает «древесный» признак для обозначения глупости (дубина, чурбан, голова еловая, дубовая). Можно вспомнить выражение «деревянные рубли» как символ исторически малой платежеспособности российских рублей. Для русского важен материал, то, из чего сделан объект, его почти «реальная» осязательность (медный, толоконный лоб, голова мякинная). Следует отметить признак «неточность» (тупица, тупой), отсутствующий во французской ассоциативной парадигме.

Во французских высказываниях превалирует признак «заторможенность, неповоротливость» (*lent de comprenette* (букв. 'медленный для понимания'), *lourdeur* (букв. 'тяжесть'), *il a encore ses valises à la gare* (букв. 'у него еще чемоданы на вокзале'), *pose tes valises, t'es trop chargé* (букв. 'поставь чемоданы, ты слишком нагружен'). Речь, как правило, идет о косвенном (иногда прямом) наименовании внутреннего качества, связанного с метафорическим переносом значения: *ballot* (букв. 'тюк'), *andouille* (букв. 'субпродуктовая колбаса'), *buffle* (букв. 'буйвол'), *cruche* (букв. 'кувшин'), *enclume* (букв. 'наковальня'), *cornichon* (букв. 'корнишон'), *corniaud* (букв. 'дворняжка').

Таким образом, ядерные признаки эмоционально заряженных наименований в двух языках не совпадают (для русского — материал и его обработанность, для французского — внутреннее качество), тогда как периферийные качества сходны (пассивность).

Рассмотренный языковой материал говорит о линейной связи эмоций и способов их вербализации. На основе проведенных сопоставлений употребления языковых средств можно сделать вывод о том, что наибольшее число национально маркированных компонентов значения выделяются, как правило, на уровне максимальной интенсивности обозначающих, которые функционируют в рамках эмоционально заряженных контекстов разговорной аксиологии. В целом русские выражения более предметны и осязаемы, тогда как французские — более абстрактны и умозрительны.

Итак, рассмотренная закономерность употребления (относительная абстрактность французского и конкретность русского узуса) может быть определена как один из индикаторов национального коммуникативного поведения, отражающий специфику национальной языковой картины мира и особенностей вербализации эмоциональных реалий описываемых лингвокультурных сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). — М.: Спутник+, 2004.
- [2] Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. — 1984. — № 6. — С. 97—104.